

Борщевская Марианна Юрьевна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры словесности и культурологии
Нижегородского института развития образования,
г. Нижний Новгород

Роль экфрасиса в рассказе И.А.Бунина «Безумный художник»

Характерной особенностью бунинского рассказа «Безумный художник» является экфрасис – словесное описание произведения живописи. Необходимо учесть эту особенность при чтении и изучении рассказа в 11 классе. «Присутствие в тексте иных искусств сигнализирует метаэстетическую направленность данного текста... Поэтому его изучение приводит к более глубокому пониманию программных задач и поэтики автора, а подчас и литературного направления в целом», - пишет М.Рубинс в книге, посвященной экфрасису в творчестве поэтов-акмеистов (Мария Рубинс. Пластическая радость красоты: Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция – СПб: Академический проект, 2003 – 354 с., С. 5-6)

Исследователи творчества И.А.Бунина 1920-й год называют "немым". Первый год на чужбине, в эмиграции, - год молчания писателя. Можно только догадываться, какие душевные муки испытывал он. Но постепенно Бунин возвращается к творчеству.

Художник и Мир, назначение и сущность художественного творчества - вот проблемы, волнующие зрелого и уже много пережившего писателя. Учащимся предлагается самостоятельно прочитать рассказ 1921 года "Безумный художник", ответить на ряд вопросов и выполнить задания. Обсуждение их и послужит основой урока: это проблемный анализ с использованием приемов контекстного подхода. Последнее из заданий может быть индивидуальным или предложено группе учащихся, по усмотрению учителя.

Задания для учащихся:

1. Как по прочтении рассказа для вас раскрылся смысл его названия?
2. Каким предстает мир, в который вернулся из странствий господин «с изумленными глазами»? Как этот мир встречает художника?
3. Какие детали поведения наиболее ярко характеризуют состояние героя?
4. Как можно озаглавить абзац, начинающийся словами «Вскоре юношеская сила овладела им»?
5. «В первой половине 20-х годов как никогда сильна в творчестве Бунина борьба двух начал: мрака и света»,- пишет исследователь Анна Саакянц (А.Саакянц. Комментарии// Бунин И.А. Сочинения. В 3-х т. – М.: Худож.лит., 1982. Т.2. С. 515 – 555, 525). Как развивается в рассказе мотив борьбы тьмы и света? Чем вы можете объяснить несоответствие замысла и воплощения в произведении художника-героя рассказа?

6. Согласны ли вы с приведенными ниже высказываниями? Соотнесите их с содержанием рассказа Бунина.

- «Если бы мир раскололся, то трещина прошла бы через сердце поэта». И.В.Гете.
- «Жизнь никогда не бывает прекрасна: прекрасны только картины ее в очищенном зеркале искусства». А.Шопенгауэр.

7. Найдите и рассмотрите репродукции картин: Рафаэль Санти, «Сикстинская мадонна»; Сандро Боттичелли, «Рождество Христа»; В. В. Верещагин, «Апофеоз войны»; Эрих Энге, «Осквернение демократии»; Сальвадор Дали, «Предчувствие гражданской войны», «Лицо войны», «Христос святого Хуана де ла Крус». Как произведения живописи помогают лучше представить задуманную бунинским героем и воплощенную им картину? (Сравните их содержание, композицию, настроение, палитру с описаниями И. А. Бунина.) Какие ещё произведения живописи вы могли бы включить в ассоциативный контекст, помогающий осмыслить рассказ И. А. Бунина?

Герой бунинского рассказа не является безумцем. Он безумен ровно настолько, насколько человек творческого склада, Художник, отличается от обывателя. Он острее воспринимает действительность, он осознает свою избранность и созидательную миссию, он действует под влиянием чувств, по наитию, по вдохновению. Хотя минутами трезво осознает свою *странность* в глазах окружающих, Так, с преувеличенной вежливостью он извиняется за свое эксцентрическое поведение перед девушкой-продавцом или останавливает собственный порыв броситься среди ночи на поиски кисти: «Ночь, все спят... его примут за сумасшедшего» (Бунин И.А. Сочинения. В 3-х т. – М.: Худож.лит., 1982. Т.2. С. 199). Для обычного же человека, не знающего или не понимающего, кто перед ним, вернувшийся из-за границы художник - фигура странная, даже экзотическая. Писатель подчеркивает это рядом деталей, словно данных в восприятии жителей этого городка: «Гостей не ждали. Но вот к крыльцу подъехал господин в пенсне, с изумленными глазами, в черном бархатном берете, из-под которого падали зеленоватые кудри, и в длинной дохе блестящего каштанового меха» (С. 192). Его пенсне, одежда, бледность измученного лица и алебастровых рук в сочетании с длинными темными волосами, порывистые движения и экзальтированная речь («Эту дату ты должен запомнить!», «Я напишу бессмертную вещь! И я подарю ее – тебе!») – все это действительно кажется странным людям, с которыми сталкивается художник: извозчику, продавщице, коридорному, хозяину гостиницы.

Старинный русский город накануне Рождества встречает художника абсолютно равнодушно. Эпически-спокойная интонация присутствует в описании города, данного глазами художника: «На улице совсем ободнялось, стало совсем солнечно. Иней на телеграфных проволоках рисовался по голубому небу нежно и сизо и уже крошился, осыпался. На площади толпился целый лес густых темно-зеленых елок». (С. 194) И далее следует перечисление

лотков и лавок с товарами: тушами свиней и гусей, деревянными игрушками и большими белыми пряниками в виде коней и петухов. Эту лубочную картинку дополняют лохматые лошади и «туго подпоясанные, толсто одетые бодрые торговцы и торговки».

Мечущийся по городу и чем-то взволнованный приезжий вносит тревогу, диссонанс в этот неспешный и незамысловатый мир. Создается ощущение двух параллельно существующих миров. Даже интонации, с которыми они описаны Буниным, не имеют ничего общего. Этот странный человек куда-то спешит, летит, торопится: «И художник неловко вылез из саней, бросил извозчику трехрублевку и пошел прочь, назад, посередине улицы. Доха его распахнулась, волочилась по снегу, глаза страдальчески и растерянно блуждали по сторонам». (С. 195) Можно заметить в этом фрагменте обилие глаголов и наречий – действий и признаков действия, создающих ощущение смятения и тревоги. То, что окружающий мир равнодушен к герою, неоднократно подчеркивается писателем: его поведения и реплик не понимают окружающие, а требующиеся художнику холст и краски в городе отсутствуют, даже необходимый для работы дневной свет уходит, ускользает, как песок сквозь пальцы. Художник и мир словно противостоят: человек, одержимый идеей создания великой картины, шаг за шагом преодолевает препятствия, холодно, но безостановочно чинимые внешними силами.

Если быть внимательным к деталям поведения, восклицаниям художника, можно понять, что он не только пережил личную трагедию (смерть молодой жены и ребенка), но и вдохновлен пережитым потрясением на создание произведения своей жизни. Он ощущает себя призванным написать *Свет!* Так мрак страдания, преломляясь в сознании творца, стремится воплотиться в противоположном начале – счастье, свете: «Я должен написать вифлеемскую пещеру, написать Рождество и залить всю картину, - и эти ясли, и младенца, и льва, и ягненка, возлежащих рядом, - именно рядом! – таким ликованием ангелов, таким светом, чтобы это было воистину рождением нового человека». (С. 195) Все действия художника подчинены одному – стремлению писать картину. Никакие бытовые обстоятельства не могут этому помешать. Напряжение усиливается, когда художник, изнуренный внешними помехами и внутренним напряжением, внезапно засыпает и упускает необходимый для работы дневной свет. Удивительно, с каким упорством, целеустремленностью и находчивостью художник создает в номере гостиницы рабочую атмосферу и возвращает себе состояние творческой эйфории. Бунин здесь реалистически точен, даже физиологически беспощаден: необходим не только свет от множества свечей, усиленных застеленной белыми газетами мебелью, зеркалом, но и возбужденные до болезненного предела память и воображение. Для этого извлекаются из чемодана похоронные фотографии, для этого он глотает обжигающий горло одеколон.

«Вскоре юношеская сила овладела им – дерзкая решительность, уверенность в каждой своей мысли, в каждом своем чувстве, сознание, что он

все может, все смеет, что нет более для него сомнений, нет преград». (С. 199) Этот абзац описывает состояние вдохновения. Но это не то состояние, о котором в «Осени» писал А.С.Пушкин:

Я забываю мир – и в сладкой тишине

Я сладко усыплен моим воображеньем...

Это скорее бурное возбуждение: «Ему казалось, что мрачные, дьявольские наваждения жизни, черными волнами заливавшие его воображение, отступают от него. Осанна! Благословен грядый во имя господне!» (С. 199-200) Художник исполнен ощущения своей силы, он осознает себя творцом жизни.

Кульминация рассказа образуется соотношением двух экфраз – двух описаний картин художника, воображаемой и реально воплощенной.

То, что художник стремился написать и что отчетливо сформировалось в его воображении, напоминает «Сикстинскую мадонну» Рафаэля: «Небеса, преисполненные вечного света, млеющие эдемской лазурью... светозарные лики и крылья несметных ликующих серафимов... дева неизреченной прелести, с очами, полными блаженства счастливой матери, стоя на облачных клубках... являла миру, высоко поднимала на божественных руках своих младенца, блистающего, как солнце...» (С. 200)

Душа творца жаждет гармонии, добра и света. Он одержим работой, всю ночь пишет «с лихорадочной поспешностью, трясущимися руками», изливая на картон свою душу, переполняющие его мысли и чувства. Сам акт творчества напоминает освобождение человека от пут, сковывающих и не дающих свободно дышать. Такое впечатление, что человек более подвижим инстинктом, чем разумом и волей. Писатель подчеркивает это портретными деталями: бледное лицо, взмокшие волосы, черные губы, глаза горят «нечеловеческим страданием и вместе с тем каким-то свирепым восторгом» (С. 200). Когда он в шесть утра бешено давит кнопку звонка, вызывая коридорного и собираясь произнести заранее приготовленные слова *дарения*, он еще не освободился от творческого экстаза, от стука своего сердца он близок к обмороку.

Вот в этот как раз момент Бунин и переводит взгляд читателя на только что завершенную картину – картон в руках художника: «Дикое, черно-синее небо до зенита пылало пожарами, кровавым пламенем дымных, разрушающихся храмов, дворцов и жилищ. Дыбы, эшафоты и виселицы с удушенными чернели на огненном фоне». (С.201) Эта вторая в рассказе экфраза поражает ужасом смерти и выразительностью метафорических деталей. Причем описание картины дано таким образом, что можно отчетливо представить ее палитру и композицию: «...над всем этим морем огня и дыма, величаво, демонически высился огромный крест с распятым на нем, окровавленным страдальцем, широко и покорно раскинувшим длани по перекладинам креста». (С.201) Словесное описание произведения живописи вызывает ассоциации с несколькими полотнами, изображающими ужас смерти, войны, нечеловеческих деяний человека: «Апофеоз войны» В.В.Верещагина, «Осквернение демократии» Э.Энге, «Предчувствие

гражданской войны» и «Лицо войны» С.Дали. Эти произведения в вашем воображении словно совмещаются, проступают одно сквозь другое, и над всеми ними – тяжелое распятие в черно синем небе, «Христос святого Хуана де ла Крус» С.Дали. Большинство этих произведений живописи были созданы позднее 1921 года, времени рождения бунинского рассказа. И это лишний раз доказывает, что писатель понимал и чувствовал свою эпоху, а также обладал даром предвидения. Вспоминается его стихотворение «Семнадцатый год», написанное как раз в то время, когда Бунина обвиняли в оторванности от исторической эпохи.

Наполовину вырубленный лес,
Высокие дрожащие осины
И розовая облачность небес:
Ночной порой из сумрачной лощины
Въезжаю на отлогий косогор
И вижу заалевшие вершины,
С таинственной нежностью, в упор
Далеким озаренные пожаром.
Остановясь, оглядываюсь: да,
Пожар! Но где? Опять у нас,- недаром
Вчера был сход! И крепко повода
Натягиваю, слушая неясный,
На дождь похожий, лепет в вышине,
Такой дремотно-сладкий и бесстрастный
К тому, что там и что так страшно мне.

Что это? Пейзажная лирика? Только на первый, поверхностный взгляд. Сочетание ночного сумрака с «розовой облачностью небес», с заалевшими от далекого пожара вершинами деревьев создают тревожащий душу зрительный образ. Лес - «наполовину вырубленный» (уничтоженный, умерщвленный), осины – «дрожащие». Возникает предчувствие беды, катастрофы. Интересен язык пространственных символов стихотворения. Лирический герой - путник, остановившийся на «отлогом косогоре», он видит впереди себя ночную лощину и темный лес с далеким пожаром, грозящим бедой. В его сознании это лежащее перед ним пространство соединяется с пространством, им покинутым,- тем, откуда он выехал: «Остановясь, оглядываюсь: да, // Пожар! Но где? Опять у нас,- недаром // Вчера был сход!» Так почему-то причина пожара «там», впереди, объясняется вчерашним (позади оставленным) народным сходом. И надо всем этим, над суетой и смутой человеческой, - природа, прекрасная, вечная и непостижимая: «На дождь похожий лепет в вышине, // Такой дремотно-сладкий и бесстрастный // К тому, что там и что так страшно мне». Перед нами поэтическая модель мира, в которой определены причинно-следственная связь событий, место высших сил, вечной Природы и человека. Раскрывается философское содержание произведения. Стихотворение «Семнадцатый год», написанное в июне, незадолго до октябрьских событий, и заканчивающееся словами «страшно мне»,

показывает Бунина как художника, остро воспринимающего современность и имеющего свою, определенную позицию.

Герой бунинского рассказа «Безумный художник» - тоже человек своего времени, эпохи войн и революций. К нему в полной мере можно отнести слова И.В.Гете: «Если бы мир раскололся, то трещина прошла бы через сердце поэта». Отсюда трагическое несоответствие задуманного и воплощенного. Но нельзя сказать, что две экфразы в тексте рассказа подтверждают мысль А.Шопенгауэра: «Жизнь никогда не бывает прекрасна: прекрасны только картины ее в очищенном зеркале искусства». Дело в том, что Рождество, «рождение нового человека» (как мыслит художник), свет и любовь – это тоже неотъемлемая часть жизни, это пережито художником так же, как боль и страдание. Прекрасны не только те сюжеты, что передают гармонию и красоту. Прекрасно и то, что заставляет человека сострадать, переживать катарсис. В этом смысле прекрасны обе картины художника – задуманная и созданная. Во второй мир проявляется посредством творца как та составляющая жизни, которая сейчас звучит ярче и сильнее. В истории искусства известны случаи, когда, вопреки замыслу, словно подчинясь чуждой воле, творец создавал нечто неожиданное и для самого себя.

Бунин касается в своем рассказе философской проблемы субъект-объектности творчества. В какой мере творческий акт является свободным волеизъявлением художника, а в какой мере художник есть инструмент объективного мира, проявляющего себя посредством сознания художника?

Этим вопросом, не сформулированным вербально, а высказанным при помощи двух экфраз, завершается рассказ «Безумный художник».

Подобные уроки помогают формированию и закреплению таких умений учащихся, как выявление примет стиля писателя, определение общечеловеческого содержания произведений, соотнесение произведений различных видов искусств, осуществление синтеза в итоге анализа и создание интерпретации произведения писателя.